

947 -
П-38 ~~Ж~~

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединитесь!

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ Д. РЯЗАНОВА

И 94
67

801-14
016

810-83
524-6

Г. В. ПЛЕХАНОВ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ XII

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д. РЯЗАНОВА

488
22264

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

дел в России. Впрочем, оговорюсь, все это—слухи, мало проверенные. Для меня ясно только одно, что создать в настоящее время партию и программу очень не трудно. Есть ли это шаг вперед—вопрос. Впрочем, посмотрим...

Новый апостол остается мне мил по-прежнему. Его увлечения не так страшны, как это Вам издали кажется, и, по-моему, даже очень полезны для отрезвления «политиков» разного рода. Я убежден, что он в будущем принесет нам много пользы. У кого, спрашивается, нет увлечений или теоретических крайностей?! Это все-таки не мешает работать вместе и ценить человека, как деятеля и человека искреннего.

Мы с ним немного расходимся в вопросах о необходимости выставления в программах организационного начала, в смысле организации всякого рода обществ.

Не отрицая этого в принципе, мы считаем, что он недостаточно знает условия жизни русского пролетариата.

Это есть такая же крайность, как выдвигание на первый план политической агитации и борьбы. Как то, так и другое есть плод теоретизирования, с одной стороны, а незнание условий жизни русского пролетариата—с другой. Во всем остальном у нас полное согласие, и это разногласие не помешает нам вместе работать...

Ваш Г.

Ответ на брошюру Аксельрода: «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов»

В 1885 году группа «Освобождение Труда» издала «Проект программы русских социал-демократов».

Проект этот перепечатан теперь в виде приложения к двум письмам г. Аксельрода, одного из членов группы «Освобождение Труда», которые также посвящены программным вопросам. Появление этой брошюры: «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов» обязывает практических деятелей русского рабочего движения обратить специальное внимание на программно-тактические вопросы и перейти, наконец, от проектов программы к самой программе, тем более, что программа группы «Освобождение Труда» кладет свою печать на издаваемую

за границей русскими социал-демократами литературу. Группа «Освобождение Труда» состоит редактором этих изданий. В случае несоответствия программы группы с современными нуждами и задачами рабочего движения, последнее оказалось бы лишенным нужной ему литературы.

Группа «Освобождение Труда» оказала серьезные услуги русскому рабочему движению¹⁾...

Но теперь обстоятельства несколько изменились. Нам приходится считаться теперь не с интеллигенцией, стремящейся найти материальную силу для осуществления своих планов, а с существующим рабочим движением, выработавшим свои формы, свои ближайшие задачи, свою литературу, наконец, свою программу и тактику. Программа, годная для интеллигентов, идущих «к рабочим», не годна для самих рабочих, защищающих свои «самодовлеющие интересы», как экономические и интеллектуальные, так и правовые и политические. А ведь в этой защите интересов рабочих, какого бы они характера ни были,—все содержание рабочего движения. Мы думаем поэтому, что проект программы группы «Освобождение Труда» 1885 г. не может стать программой русского рабочего движения. Жизнь переросла этот проект. Условия места, заграница, и времени, 1885 г., наложили на него столь резкую печать, что он не соответствует состоянию рабочего движения в России в 1898 г.

В самом деле: программа эта выработана группой «Освобождение Труда» в то время, когда об организованном рабочем движении в России не было и речи. Свое первое письмо Аксельрод начинает словами: «Скоро будет 15 лет, как родилась русская социал-демократия. Но не в самой России, в пылу героической борьбы революционной партии с правительством, а среди маленькой группы эмигрантов». Столь неестественное рождение русской рабочей партии на свет божий—вне России, среди эмигрантов—очень характерно. Оно показывает, что русское революционное движение переживало в то время острый кризис. Отпечаток этого кризиса мы находим и в программе группы «Освобождение Труда»: А именно: программа эта, по словам Аксельрода, явилась ответом

¹⁾ Здесь автор делает нам несколько комплиментов, которые мы опускаем, так сказать, за ненадобностью.

на вопрос: «откуда взять силы для возобновления борьбы с самодержавием и как вести эту борьбу с наибольшими шансами на победу?» (стр. 4). Вот ответ: «Образование рабочей революционной партии, первой задачей которой должно быть низвержение абсолютизма» (стр. 4). Другими словами: не в интересах рабочего класса центр тяжести всей программы, а в русской революции, и самый «проект программы» не есть программа рабочего движения, а программа продолжающегося движения среди русской революционно-демократической интеллигенции.

Конечно, обстоятельство это еще вовсе не обозначает принесения в жертву пролетариата «другим общественным силам»; интеллигенция не представляет собой общественной силы; тем не менее оно заслуживает самого серьезного внимания. «Политическая организация рабочих мотивируется здесь не самодовлеющими интересами пролетариата и не отдаленными целями социализма, а настоятельной необходимостью такой организации для ближайших обще-демократических интересов русского революционного движения, для обеспечения революционерам успеха в борьбе против современного государства за интересы трудящегося класса вообще, то-есть и крестьянских масс, и городских рабочих... Несомненно то, что для этой группы мысль об организации рабочей партии в России теснейшим образом связывалась с политическими и социальными тенденциями и задачами, воодушевлявшими и воодушевляющими все демократические элементы нашей интеллигенции» (стр. 9). Для группы «Освобождение Труда» мысль о рабочем движении в России теснейшим образом связывалась с революционными традициями демократической интеллигенции. Ну, а для рабочих?

Итак, в интересах трудящегося класса, помощью трудящегося класса — и цель, и средства черпаются, следовательно, в рабочем классе, но посредником между целью и средством все же остается демократическая интеллигенция, русские революционеры, которые по собственному усмотрению определяют нужды рабочего класса, которые по собственной инициативе предпринимают организацию этого класса. Очевидно, формула интеллигенции — все для рабочих и все через посредство рабочих — не вполне совпадает с тезисом: «Освобождение рабочего класса должно быть делом самих рабочих». Последняя формула пред-

полагает среди рабочих инициативу и понимание своих собственных нужд и задач. Напротив, Аксельрод игнорирует сознание рабочих и их инициативу. Именно в силу этого обстоятельства могло произойти то, что группа «Освобождение Труда» раньше определила цель — низвержение самодержавия — и лишь после обратилась к средству — пролетариату. Так, по крайней мере, дело формулировано в программе и письмах Аксельрода. Несомненно, ближайшим же последствием подобной постановки задач рабочего движения будут возмущения рабочих против «ига интеллигентов» и выступление «рабочей мысли» в защиту своей самостоятельности от опеки интеллигенции.

Между прочим, то обстоятельство, что для наших русских товарищей центральным пунктом программы являются «самодовлеющие интересы пролетариата», а не низвержение абсолютизма, служит для Аксельрода поводом обвинить их в политическом индифферентизме. Мы думаем, что такое обвинение неосновательно. Неосновательно оно потому, что русским товарищам на практике волей-неволей приходится считаться с той степенью сознания рабочими своих интересов, которое в действительности уже достигнуто различными группами рабочего класса в России. Всякий практический деятель должен строить свою агитацию на нуждах, «действительно ощущаемых рабочим классом», на интересах, «сознанных данной местностью»¹⁾. История делается массами²⁾, поэтому сознание только масс является историческим фактором³⁾. Таков принцип, лежащий в основе так называемой «экономической агитации», исходящей из повседневных нужд, уже сознанных рабочим классом. Этот принцип экономической агитации составляет для Аксельрода «аксиому, истину, не требующую доказательств, и распространяться о которой значило бы оскорблять развитого читателя» (стр. 26). Раз принцип построения агитации на сознанных рабо-

¹⁾ Аксельрод.

²⁾ Плеханов.

³⁾ Спешим оговориться — мы говорим об организованном рабочем движении, сознательно преследующем определенные цели, а не о стихийном движении масс, разрушающем существующее из-за его отрицательных сторон, но не имеющем в виду определенных целей; мы не строим исторической схемы, а берем один фактор истории — организованное рабочее движение.

чими интересах является такой аксиомой, то не обуславливается ли специализация русских социал-демократов на экономических вопросах содержанием сознания русских рабочих? В этом случае об индифферентизме не может быть и речи; напротив, приходится удивляться пониманию и выдержке русских товарищей, сумевших, несмотря на ужасные политические условия, сохранить в себе чувство меры. Только эта сдержанность и выдержка позволила нашим русским товарищам явиться истинными помощниками рабочих в их борьбе, в их защите своих интересов.

А о том, что тактика русских товарищей увенчалась полным успехом, свидетельствует сам Аксельрод. Он рассказывает нам, как молодые социал-демократы начали с того, что понесли в рабочую среду учения Маркса с твердым намерением подготовить там элементы для будущей рабочей партии. В середине 90-х годов в кругу марксистской молодежи и спропагандированных рабочих накопилось уже столько активных (рабочих) сил, что оказалось возможным перейти к агитации в массах. На первых порах она приняла одностороннюю форму поддержки и организации одной лишь экономической борьбы. Таким образом русские социал-демократы из мирных пропагандистов, просветителей, превратились в живую, активную революционную силу. Стачечное движение в свою очередь в какие-нибудь два года поставило зашевелившиеся рабочие слои лицом к лицу с самодержавным правительством и успело уже выдвинуть перед ними вопрос о политических правах (стр. 12, 13, 18, 19). Несомненно, эта тактика русских социал-демократов родилась не из их голов: она коренилась в самой действительности. В этой действительности были и силы, и средства, необходимые для выполнения тех задач, которые выдвигались на очередь соц.-дем. Существуют ли в русской действительности силы и средства для применения тактики, рекомендуемой группой «Освобождение Труда»? В проекте группы «Освобождение Труда» сказано: «Борьба против самодержавия обязательна даже для тех рабочих кружков, которые представляют собою зачатки будущей русской рабочей партии... Организации эти, не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти в удобный момент к общему решительному на него нападению». Итак, немедленная, непрерывная борьба с русским самодержавием!

вием! Не правда ли, как много «путей» и «сил» предлагает нам русская действительность для ведения этой борьбы?

Нам кажется, главный недостаток программы группы «Освобождение Труда» состоит в том, что в ней слишком много внимания обращено на внешние отношения пролетариата, главным образом к правительству, и совершенно не приняты во внимание его внутренние отношения: степень развития в нем организаций, сознание своих интересов и пр., т.-е. не приняты во внимание «самодовлеющие интересы» пролетариата. Объясняется это обстоятельство происхождением программы группы «Освобождение Труда» из революционных традиций русской интеллигенции.

Между тем деятельность полководца и дипломата лишь тогда и в той мере может иметь успех, когда и в какой мере за ним стоит реальная сила. Такой реальной силой в рабочем движении является степень сознания рабочим классом своих интересов и степень его организованности. Но сознание это так же, как и организованность — не случайные или произвольные вещи. Сознание масс или отдельными группами рабочего класса своих интересов развивается по определенным законам в зависимости от полноты и содержания социального опыта масс. Жизнь постоянно ставит перед сознанием рабочих все новые и новые интересы. Совокупность общественных отношений — экономических, правовых, политических etc. — определяет, какие интересы могут быть у рабочих, но не определяет, какие интересы уже созданы рабочими и вошли в их жизнь. С помощью социального опыта, житейской практики etc., сознание рабочих масс постоянно нагоняет реальные общественные отношения, никогда не отождествляясь с ними. Поэтому-то нам и приходится делать столь решительное и коренное различие между интересами, которые «мы» (интеллигенты) приписываем рабочим, и интересами, действительно имеющимися у них. Развиваясь в зависимости от условий места и времени, сознание масс делает бесплодными все попытки насильственно изменить естественный ход развития рабочего движения¹⁾. На известной ступени своего развития

¹⁾ Доказательством в пользу этого тезиса служат, между прочим, судьба программы 1885 г. Прошло 13 лет со времени появления ее на свет, — русское рабочее движение развивалось, крепло и шло своим путем, совершенно игнорируя ее существование. Таким образом программа эта подвергалась

оно ставит вопрос о политической революции. Таким образом низвержение самодержавия относится к самодовлеющим интересам рабочего класса, как частное, временное—к общему, постоянному. Несомненно, русское рабочее движение чревато политической революцией. Но вопрос не в том, богато ли оно при современном строе русской жизни политическими задачами, а в том, на какой ступени его развития задачи эти могут быть внесены в его программу, могут быть реализованы, другими словами, когда для разрешения их созреет в нем материальная сила? Тем более у нас оснований быть терпеливыми, что до сих пор развитие рабочего движения в России шло крайне успешно.

Столь же закономерно развиваются и рабочие организации. Их развитие означает рост сознания общности интересов, сознания, приводящего к совместной защите своих прав. Подобно сознанию содержания своих интересов, сознание их общности, выражающейся в той или иной организации, развивается закономерно в зависимости от всей совокупности окружающих условий. На Западе боевые политические и экономические организации были подготовлены мирными организациями. Кассы борьбы развились из обществ взаимопомощи. Рядом с обществами взаимопомощи различные товарищества (производительные, потребительные), образовательные общества и общества развлечения (главным образом музыкальные) воспитали в рабочем классе способность к участию в обществах, союзах, организациях. Все эти типы организаций процветали и процветают среди ремесленников. Когда развитие производительных отношений привело к капиталистической эксплуатации наемного труда, рабочие уже имели привычку действовать сообща. Возникновение нового интереса, борьбы с предпринимателями, привело к его удовлетворению тоже «сообща». Этот, так сказать, организационный дух ремеслен-

самой суровой из всех возможных критик: критике истории. Теперь, через 13 лет, нам снова предлагают ее, ни юты не убавив. Неужели же за эти 13 лет так-таки и не произошло никаких изменений ни в русской жизни, ни в самом рабочем движении? Или оно до сих пор представляет собой *quantité négligeable*? Можно сказать, конечно, что «тем хуже» для движения, игнорирующего эту программу; но и после такого осуждения оно едва ли все-таки изменит свою тактику...

ных масс, попавших в капиталистическую эксплуатацию, составляет один из главных факторов современного рабочего движения. За мирными организациями и союзами борьбы последовали политические организации, в которых опять-таки первое место принадлежит бывшим ремесленникам, «обученным» рабочим. С другой стороны, масса необученных чернорабочих, отцы и деды которых эмигрировали из деревень на фабрики и в копи, до сих пор являются на Западе преимущественно неорганизованной, стихийной массой, не способной к той выдержанной защите своих интересов, которую мы находим у обученных. Постепенное, медленное, но непрерывное развитие среди них мирных организаций—обществ взаимопомощи, развлечения, потребительных и образовательных—обещает в будущем и из этих необученных рабочих сделать столь же надежных солдат армии пролетариата, какими являются в данное время потомки ремесленников. Всякая организация важна, но особенно важны мирные организации, захватывающие все стороны жизни рабочего, приучающие его к исполнению общественных обязанностей, каждодневно заставляющие его поступать «сообща» с товарищами. Боевые же организации захватывают рабочего крайне односторонне и крайне редко—лишь в моменты боевого возбуждения. Поэтому воспитательная роль боевых организаций не может сравниться в этом отношении с воспитательную ролью мирных.

А что представляет собой, в отношении сознания, русский пролетариат? Вот мнение Аксельрода: «Начавши недавно только выделяться из закрепощенного государства, малокультурного крестьянства, он и теперь еще в массе слишком глубоко тонет в общенародном варварстве и невежестве, чтобы быть в состоянии в тисках абсолютизма совершенно самостоятельно, без всякой посторонней поддержки подняться на высоту революционной силы». Далее он говорит о «современной низкой ступени интеллектуального и культурного развития народных масс в России» («О тактике», стр. 15—16). «У рабочего класса слишком мало политических знаний и опыта, с одной стороны, и легальных точек опоры для коллективной самостоятельности—с другой» («Neue Zeit», 1897—1898, № 31, стр. 147). Можно ли этот рабочий класс, глубоко тонущий в общенародном варварстве и невежестве, стоящий на низкой ступени интеллектуального и культурного раз-

вития, не имеющий политических знаний и опыта, — звать на борьбу с абсолютизмом? Признаемся, мы не понимаем логической связи между суждением Аксельрода о русских рабочих и той программой, которую он им предлагает.

Однако перейдем из области мнения в область действительности. Существуют ли в нашем рабочем движении проявления, указывающие, что в рабочем классе уже теперь имеются силы, с которыми можно было бы начать политическую борьбу? Чтобы можно было от «односторонней» экономической агитации перейти к агитации политической, к нападению на абсолютизм? Мы видим, что таких проявлений нет, и думаем, что политическая борьба может быть лишь тогда включена в программу русской социал-демократии, когда в ее распоряжении будут находиться силы и средства для этой борьбы, когда политическая борьба явится потребностью, «действительно ощущаемой рабочим классом», интересом, «сознанным данной местностью». Иначе ее программа относилась бы к области фантазии, но не действительности. Программа же должна быть выражением того, что мы делаем и должны делать, а не того, о чем мы мечтаем.

Во избежание недоразумений спешим оговориться. Вышесказанное может быть понято в том смысле, что русские социал-демократы должны перестать касаться политических вопросов в своей пропаганде. Подобное толкование наших слов ошибочно.

Дело в том, что мы должны самым решительным образом различать содержание нашей пропаганды от содержания нашей агитации. Пропаганда имеет своей целью расширение кругозора пропагандируемых лиц, сообщение им новых сведений, способных повысить уровень их интересов, потребностей. Помощью пропаганды мы развиваем сознание своих интересов у пропагандируемых; мы приближаем это сознание к реально существующим общественным отношениям. Из этого следует, конечно, что пропаганда фантастических интересов, не соответствующих общественным отношениям, никогда не может быть успешна. Интеллигент и образованный рабочий полезны массе (как пропагандисты) лишь постольку, поскольку они помогают ей своими знаниями разобраться в окружающем, в существующих

отношениях. Но и пропаганда интересов, базирующихся в реальных общественных отношениях, не всегда успешна: пропаганда есть лишь один из факторов, развивающих сознание рабочим своих интересов; это сознание развивается закономерно в зависимости не от одной лишь пропаганды, а главным образом от личного жизненного опыта рабочего. Сознание рабочих не тесто, лепить из которого «мы» (интеллигенты) призваны по собственному образу и подобию. «Мы» и «наши» усилия могут лишь дополнять то, чему учит рабочего жизнь.

Напротив, в агитации мы исходим из потребностей, уже существующих у агитируемых лиц, из интересов, уже сознанных, ощущаемых ими. Роль агитатора сводится не к доказательству того, что положение данной личности может быть улучшено; это—дело пропагандиста; дело же агитатора—указать пути и средства человеку, уже знающему, что ему нужно. Агитатор пользуется недовольством, существующим в массе, и указывает ей практические пути для достижения желанной цели. Агитатор, так сказать, придает определенную форму существующему недовольству или уже возникшему протесту. Характерна в этом отношении летняя стачка 1896 г. в Петербурге. Она началась 22-го мая, первые же прокламации появились 30-го. Рабочие сами писали и распространяли листки; рукописные листки, переписанные в нескольких экземплярах, с большим успехом гуляли по рукам; в других случаях рабочие приносили к агитаторам для печати листок, уже написанный ими самими, или же доставляли сведения, прося по ним составить листок. Словом, вся инициатива протеста исходила из рабочих масс, а агитаторам оставалось лишь дать определенную форму существующему (в других случаях готовящемуся) протесту. И таково всегдашнее положение агитатора.

Таким образом задача пропагандиста—довести людей до сознания своих интересов; задача агитатора—указать людям путь для удовлетворения уже сознанных ими нужд. Мы настаиваем на этом различии потому, что игнорирование его ведет постоянно к такому смешению понятий, при котором невозможно мало-мальски успешное обсуждение программных и тактических вопросов. Что же касается данного частного случая, то очерченное различие между пропагандой и агитацией приведет нас по вопросу о политической деятельности русской социал-демократии к следующим соображениям.

Уже с 1896 г. существующие в России «союзы борьбы за освобождение рабочего класса» ведут энергичную политическую пропаганду. Пропаганда эта, возникшая с самым скромным содержанием политических требований, растет в ширину и в глубину. Обстоятельство это показывает, что в рабочем классе уже существует почва для политической пропаганды. Но до сих пор в России не было ни одного случая борьбы рабочих за нужные им политические права. Русская социал-демократия до сих пор даже не ставила вопроса о том, какими средствами могут бороться рабочие за свои политические права. Средства эти до сих пор не указывались рабочим, да и где же эти средства, наконец? На Западе строили баррикады, устраивали манифестации и политические стачки, подавали петиции,—которые же из этих средств предлагает группа «Освобождение Труда» современному пролетариату в современной России? Трудно относиться серьезно к практическому предложению, умалчивающему о самом главном,—о материальной силе, которая способна осуществить его, и о путях, которыми оно может быть осуществимо. Что касается материальной силы, то мы знаем, что она «глубоко тонет в общепародном варварстве и невежестве». Что касается путей, то о них Аксельрод упорно молчит. Этим он лишает нас возможности проникнуться глубиной его мысли. Но мы совершенно вправе сделать вывод, что до сих пор никто не обсуждал серьезно средств прямой борьбы с абсолютизмом, не говоря уже об указании этих средств рабочим.

Следовательно, до сих пор в России не было политической агитации, и мы полагаем, что для нее пока еще нет в России места. (Мы не говорим, конечно, о стихийной революции, которой никто не может заранее «подготавливать»; мы говорим лишь о планомерной, организованной борьбе.) Сколько времени пройдет еще до того момента, когда от политической пропаганды мы сможем перейти к политической агитации? Мы этого не знаем. Быть может, момент этот наступит через год, быть может, через 10 лет. Но несомненно, что в данную минуту никто из практических деятелей движения серьезно не думает о политической агитации и не считает ее своевременной (см. случай с манифестацией по поводу смерти Ветровой. Мнение Киевского Союза Борьбы).

Можем ли мы при таком положении дел вносить в нашу программу прямую борьбу с самодержавием? Нам кажется, что нет. У нас есть теперь рабочее движение, но оно не носит еще политического характера. Первое понятие—рабочее движение и по объему, и по содержанию шире второго—политического рабочего движения. При конституционном образе правления, когда каждый гражданин имеет право и обязан участвовать в выборе депутатов в законодательное собрание,—рабочее движение неизбежно носит политический характер. Конечно, мы здесь подразумеваем страны со всеобщим избирательным правом. Другое дело—страны с самодержавным образом правления или высоким избирательным цензом. Там рабочее движение на первых ступенях своего развития не носит политического характера. Лишь по мере развития в стране политической жизни, по мере роста успехов политической пропаганды и экономической борьбы в рабочих массах рабочее движение начинает принимать политический характер. Поэтому, чем свободнее страна, тем скорее рабочее движение становится в ней политическим, чем деспотичнее страна, чем слабее развита в ней политическая жизнь, тем дольше рабочее движение лишено политического характера. Объясняется это тем, что в политически развитых странах рабочие, непосредственно участвуя в политической жизни страны, скорее приходят к сознанию своих политических интересов и к прямой их защите, тогда как в странах политически отсталых отсутствие политической жизни во всех ее формах лишает их возможности непосредственно защищать свои политические права. Конечно, в этих политически отсталых странах политическая пропаганда может начаться очень рано, и само самодержавное правительство с его жандармским режимом всегда является лучшим пропагандистом политических идей, но в то время, как в передовых, свободных странах политическая пропаганда, благодаря условиям политической жизни, почти немедленно переходит в политическую агитацию, в политические действия, в деспотических странах политическая агитация благодаря отсутствию каких бы то ни было форм проявления политической жизни не может так непосредственно следовать за политической пропагандой. Когда в нашем рабочем движении назреют силы для политической борьбы, они не замедлят проявить себя и указать агитатору, что его роль должна

начаться. «Напасть» на самодержавие можно всегда, даже и не сообразуясь с имеющимися на-лицо силами и средствами. Но к чему приведет это «нападение»? Много ли труда нужно будет употребить самодержавию, чтобы раздавить дерзких смельчаков? ¹⁾. А всякая неудавшаяся попытка политической борьбы задерживает накопление революционных сил. Мы не имеем права строить планы своей агитации на «догадках» о том, что такие силы существуют. Назревшую в рабочем классе потребность в политических правах и готовность его выступить на борьбу с правительством нельзя ни спрятать, ни просмотреть. Она должна в той или иной форме вылиться наружу и показать, что момент перехода от политической пропаганды к политической агитации наступил... Подобно тому, как экономическая агитация началась лишь тогда, когда в рабочей массе самопроизвольно (без непосредственного участия интеллигентов) началось стачечное движение, так и политическая агитация может быть начата лишь тогда, когда сами рабочие самопроизвольно (без революционной ба-циллы—интеллигенции) начнут борьбу с самодержавием. Поступая иначе, мы дадим русскому правительству крупный повод выхватывать из нашей среды лучшие силы, столь необходимые для роста и развития рабочего движения. Мы должны не допускать попыток беспочвенной политической агитации точно так же, как мы избегаем провокаторов.

Таким образом, интересы самой русской революции заставляют нас пока ограничиваться политической пропагандой, избегая всеми силами политической агитации ²⁾.

¹⁾ Аксельрод, кажется, думает иначе. Он полагает, что несколько тысяч петербургских рабочих с кучкой энергичных революционеров во главе могли бы низвергнуть самодержавие: «Будь у нас теперь серьезная организация энергичных революционеров (вроде «народовольческой» или «Земли и Воли»), приобретшая популярность в среде хотя бы нескольких тысяч петербургских рабочих, она имела бы больше шансов на успех в военном столкновении с правительством, чем социальная демократия в Германии» («Соц.-Дем.», кн. 4, стр. 26). Между прочим. То обстоятельство, что в рабочем движении мы не встречаем таких «серьезных организаций», годных для военного нападения, показывает, что рабочее движение есть движение массовое, не укладывающееся в рамки комплота или заговора.

²⁾ Мы говорим об организованной, а не стихийной борьбе, в которой нет места агитатору.

Следовательно, в программе русских социал-демократов, соответствующей действительной жизни, не может быть места прямой политической борьбе с самодержавием. В ней есть место только политической пропаганде. В интересах будущей политической борьбы мы должны всеми силами избегать ее пародии в настоящем.

Нам могут возразить, что это—утопия. Отказ от политической борьбы означает отказ от рабочего движения вообще. При русском самодержавном правительстве невозможно никакое рабочее движение, невозможны никакие серьезные улучшения в быту рабочих («Задачи рабочей интеллигенции в России», стр. 11), следовательно, чтобы сделать возможным рабочее движение, мы должны низвергнуть самодержавие ¹⁾.

Впрочем, это опровергается успехами, достигнутыми русским рабочим движением.

Стачечное движение дало нам улучшение материального положения рабочих, фабричное законодательство, боевые организации в рабочем классе. Мирные, легальные и нелегальные, организации растут с каждым годом. Наконец, все усилия самодержавного правительства не могут уничтожить политической пропаганды.

Более того: все эти формы деятельности пролетариата, не представляя из себя непосредственной борьбы с самодержавием, косвенно являются ею и носят, следовательно, политический характер: in zweiter Linie, как говорят немцы. В самом деле: простой рост числа мирных организаций создает для рабочих постепенно обычное право участвовать в них. Частое повторение стачек лишает силы существующее в русском своде законов запрещение их. Политическая пропаганда, выражающаяся главным образом в распространении нелегальных изданий, делает бессильными существующие запрещения свободы печати. Наконец, все виды самодеятельности рабочих готовят постепенно свободу собраний и слова. В этом отношении особенно любопытны массовые собрания рабочих в подгородных рощах и лесах. Таким образом практика современного рабочего движения выводит из употребления многие ограничения свободы, существующие в рус-

¹⁾ Аргумент, выставляемый последовательно всеми фракциями русской революционной интеллигенции, борющейся за улучшение положения того или другого слоя «трудящегося класса».

ском своде законов. Для иллюстрации наших слов приведем 2—3 примера из истории рабочего движения в Петербурге. Примеры эти наглядно показывают, как изменяется поведение правительственных органов под влиянием рабочего движения. Во время стачки 1896 г. министр финансов Витте запретил фабрикантам уступать требованиям рабочих, обещая покрыть их убытки из казенных средств. Во время январской стачки 1897 г., грозившей принять размеры летней, министр финансов не запрещал уже более фабрикантам делать уступки стачечникам. Во время летней стачки, именно 7-го июня, околоточные в сопровождении городских и дворников врываются в квартиры рабочих и стаскивали с постели рабочих и работниц, чтобы вести их на фабрику «работать». Рабочие прятались, куда могли (на чердаки, в погреба), запирались в своих квартирах и не пускали полицию. А тотчас же после стачки петербургский градоначальник издал новые правила полицейской службы, в которых значится: «помощь полиции проявляется только тогда, когда в ней нуждаются, в определенных в законе случаях, *а иначе она будет незаконным вмешательством в чужие дела... В этих случаях полицейский чин нарушил бы святость и неприкосновенность домашнего очага, мог быть безнаказанно выгнан из дома».

Конечно, все эти уступки правительства не представляют еще собою конституции. Уступки эти носят чисто местный характер, распространяются лишь на наиболее энергично защищающих свои интересы рабочих. С другой стороны, уступки эти — временные, потому что, как только ослабевает сила сопротивления рабочих, они будут взяты назад. Закон должен распространить эти уступки на весь рабочий класс и закрепить их за рабочими. Мы не преувеличиваем значения этих уступок, но и не умаляем его. Они подготавливают почву для изменения всего государственного строя России.

Таким образом в то время, как группа «Освобождение Труда» со всею существующей у ней энергией стремится к прямой борьбе с правительством, — наши русские товарищи, «индифферентно» относящиеся к политике, давно уже ведут косвенную борьбу с самодержавием. В этой борьбе нет громких побед, нет шумных сражений; это — работа крота, подрывающегося под самые основы существующего политического строя. На чьей же стороне

должны быть справедливые симпатии: на стороне ли полководца без армии, не знающего путей, ведущих к желанной цели, и без усталости размахивающего в течение полутора десятка лет бумажным мечом, или на стороне незаметных тружеников, без шума и блеска делающих изо дня в день нужное дело, которое подсказывает им жизнь?

Резюмируем. После поражения Народной Воли для русской революционной интеллигенции наступил кризис. Был поставлен вопрос: «откуда взять силы для возобновления борьбы с самодержавием? Как вести эту борьбу с наибольшими шансами на победу?». Ответом на эти вопросы явилась программа группы «Освобождение Труда» 1885 года. Она обратила внимание русской демократической интеллигенции на рабочий класс. В этом — великая заслуга группы «Освобождение Труда». Конечно, программа эта, писанная для интеллигентов, стремящихся заняться рабочим вопросом, не годна была для самих рабочих, защищающих свои интересы. Поэтому она не привилась в России. Возникшее в конце 80-х годов организованное движение среди рабочих шло помимо этой программы, игнорируя ее существование. Вот причины этого игнорирования: 1) программа группы «Освобождение Труда» не обращает ни малейшего внимания на ту ступень сознания своих интересов, на которой стоят русские рабочие; 2) игнорируя внутренние дела пролетариата, она концентрирует все свое внимание на его внешних отношениях к правительству. Принципы, которыми руководствуется современное русское рабочее движение, изложены не в статьях группы «Освобождение Труда», а в брошюре «Об агитации»¹⁾. Принципы эти прямо противоположны вышеуказанным принципам группы «Освобождение Труда». Особенного внимания заслуживает вопрос о русской революции, о «низвержении самодержавия». Группа «Освобождение Труда» требует прямой борьбы с правительством, не взвесив, где материальная сила для этой борьбы,

¹⁾ Стоя на почве этих принципов, мы можем формулировать ближайшие задачи русского рабочего движения следующим образом: 1) экономическая агитация; 2) организация рабочих во всевозможные общества и союзы; 3) политическая пропаганда. Литература же, издаваемая за границей, должна прекратить свои разговоры о том «прекрасном будущем», когда мы будем «свергать самодержавие», и помочь русским товарищам в этих ближайших и насущнейших нуждах русского рабочего движения.

не указав, где пути ¹⁾ для нее. Русские же товарищи, не вступая в прямую борьбу с правительством, ведут ее косвенно, — потому что всякое проявление общественной самодеятельности рабочего класса в самодержавном государстве является шагом вперед по пути к правовому порядку. Все эти соображения заставляют нас высказаться решительным образом против признания программы группы «Освобождение Труда» 1885 года — программой русского рабочего движения. Программа эта и теперь, в 1898 году, столь же мало соответствует русской действительности и задачам русского движения, как и в 1885 и в 1896 г.г.

В заключение несколько слов по адресу тех врагов русского рабочего движения, которые сочтут появление нашей статьи за «раскол» в рядах русской социал-демократии. Мы советуем этим господам обратить внимание на то, как часто мы цитировали Аксельрода в пользу наших взглядов. Конечно, в практических выводах из принципов, и для него, и для нас являющихся «аксиомой», между нами существует большая разница; но мы — члены одной партии и беспрекословно подчинимся постановлению б о л ь ш и н с т в а членов этой партии. Каковы бы ни были наши разногласия, они исчезнут в тот день, когда появится программа русской социал-демократии. Мы — не секта, а партия, и отдельные разногласия не могут помешать нам идти об руку в общем деле.

¹⁾ Это обстоятельство не может быть объяснено конспиративными целями, так как в программе речь идет не о заговоре, а о массовом движении. Масса же не может идти тайными путями. Разве возможна тайная стачка? Разве возможна тайная манифестация или тайная петиция?

Объявление о возобновлении изданий группы «Освобождение Труда»

Под влиянием всепоглощающей практической деятельности в сфере пропаганды и агитации среди рабочих и сильного запроса на популярные издания для рабочей массы, в связи с попытками отстаивания так называемого «экономического» материализма в легальной печати, интерес к литературе, посвященной научно-публицистической обработке на русском языке теоретических и практических вопросов социал-демократии, до крайности ослабел в последние годы среди активных элементов нашего движения. Явление это имеет достаточное оправдание в тех обстоятельствах, на которые мы только что намекнули. Но оно, вместе с тем, не могло не отразиться вредным образом на идейном развитии нашего движения. В России, менее, чем где-нибудь на Западе, равнодушие к своим теоретическим интересам может безнаказанно проходить для социал-демократии. Исключительность положения русской социал-демократии и чрезвычайная сложность задач, навязываемых ей этим положением, требует от нее неустанной самокритики и зоркого внимания к теоретической стороне революционного движения пролетариата.

Она приобрела господствующее положение на арене революционного движения в России.

Но в то же время на периферии и даже внутри ее образовалось течение, прямо противоположное духу учений социал-демократии, течение, представляющее собою серьезную опасность для ее дальнейшего развития. Теоретически наиболее сознательные из активных представителей и основателей ее в России, считают «себя обязанными» «предостеречь всех товарищей от грозящего свращения русской социал-демократии с намеченного уже ею пути,

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие редактора	III
Предисловие к «Vademecum для редакции Рабочего Дела», Февраль 1900 г.	3
Из записной книжки социал-демократа. Листовка 1900 г. Женева	43
На пороге двадцатого века. «Искра» № 2. Февраль 1902 г.	62
Еще раз социализм и политическая борьба. «Заря» № 1. Апрель 1901 г.	67
Несколько слов о последнем Парижском международном социалистическом конгрессе. «Заря» № 1.	103
Новое вино в старых мехах. «Искра» № 5. Июнь 1901 г.	117
О тактике вообще, о тактике николаевского генерала Реада в частности и о тактике г. Кричевского в особенности. «Искра» № 10. Ноябрь 1901 г.	126
Что же дальше? «Заря» № 2—3. Декабрь 1901 г.	137
Две рецензии о книгах Б. Чичерина. «Заря» № 2—3.	179
О демонстрациях. «Искра» № 14. 1 января 1902 г.	188
Из Брюсселя. «Искра» № 15. 15 января 1902 г.	193
Смерть Сипягина и наши агитационные задачи. «Искра» № 20. 1 мая 1902 г.	199
Комментарий к проекту программы Р.С.-Д.Р.П. «Заря» № 4. Август 1902 г.	205
Русский рабочий класс и полицейские розги. «Искра» № 22. Июль 1902 г.	240
Вынужденная полемика. «Искра» № 23. 1 августа 1902 г.	246
Беседа с «другом»-читателем. «Искра» № 25. 15 сентября 1902 г.	250
Логика русского «терроризма». «Искра» № 26. 15 октября 1902 г.	255
«История повторяется». «Искра» № 27. 1 ноября 1902 г.	265
Значение ростовской стачки. «Искра» № 32. 15 января 1903 г.	270
Пролетариат и крестьянство. «Искра» №№ 32, 33, 34, 35 и 39 (15/I, 1/II, 15/II, 1/III, 1/V 1903 г.).	278
Еще о ростовской стачке. «Искра» № 33. 1 февраля 1903 г.	316
Карл Маркс. «Искра» № 35. 1 марта 1903 г.	325
Мартовские иды. «Искра» № 36. 15 марта 1903 г.	334
Отмена круговой поруки. «Искра» № 38. 15 апреля 1903 г.	342
Госпожа Брешковская и Чигиринское дело. «Искра» № 38. 15 апреля 1903 г.	351
Последняя карта царизма. «Искра» № 39. 1 мая 1903 г.	358
Времена меняются. «Искра» № 39. 1 мая.	367

	<i>Стр.</i>
«Ортодоксальное» буквоедство. «Искра» №№ 41, 1/VI; 42, 15/VI; 43, 1/VII приложение	371
Речи Г. В. Плеханова на втором очередном съезде Р.С.-Д.Р.П. Протоколы II съезда Р.С.-Д.Р.П.	411
«Всеобщие» стачки на Юге. «Искра» № 46. 15 августа 1903 г.	428
Недавние стачки, социализм и борьба за политическую свободу. «Искра» № 47. 1 сентября 1903 г.	436
Белый террор. «Искра» № 48.	443
Красный съезд в красной стране. «Искра» № 49. 1 октября 1903 г.	451
Полицейский антисемитизм. «Искра» № 50. 15 октября 1903 г.	461

П Р И Л О Ж Е Н И Я

Письмо в редакцию «Рабочей газеты». Август 1897 г.	473
Сборник материалов, изданный группой «Освобождение Труда». 1900 г.	475
Объявление о возобновлении изданий группы «Освобождение Труда» «Vademecum»	517
Проект программы Р.С.-Д.Р.П. «Искра» № 21. Июнь 1902 г.	523
Резолюции, принятые и предложенные на втором очередном съезде Р.С.-Д.Р.П.	532